

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

К.В. Ворожихина

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТВОРЧЕСТВО Е.К. ГЕРЦЫК*

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

В центре исследования – проблема «вхождения», или «проникновения», дореволюционной философии в философию советскую. На примере творчества Е.К. Герцык, автора «Воспоминаний» о философах и писателях религиозно-философского возрождения рубежа XIX–XX вв., переводчицы сочинений Ф. Ницше, Ж. Гюисманса, Ф. фон Баадера и др., мыслителя, создавшего свою версию философии жизни, показано, как происходило мировоззренческое примирение представительницы культуры Серебряного века с советской действительностью. В статье прослежена творческая эволюция Герцык от философии явления, представленной в выпускном диссертационном сочинении о проблеме реального мира в философии И. Канта (1904), к философии жизни; рассмотрена ее интерпретация гносеологии И. Канта; проанализировано понятие пути (ключевое в творчестве Герцык) на основе работ, написанных в ранние советские годы (агиографический трактат «О путях» (1917–1918), эссе «Эдгар По» (1918–1927)); эксплицированы влияния, имевшие решающее значение для философских исканий Герцык (И. Кант, Ф. Ницше, Л. Шестов, Н.А. Бердяев, В.И. Иванов, А. Бергсон и др.). В статье сделан акцент на переходном этапе творчества Герцык, когда происходило нарастание религиозности и апокалиптических настроений в ее мировосприятии, которое в 1930-е гг. сменилось отходом от христианства как оплота старой культуры и старых ценностей и оправданием новой социальной действительности, продемонстрированных Герцык в известных письмах «оттуда» – из Советской России, опубликованных на страницах парижского журнала «Современные записки» и вызвавших неоднозначную реакцию в эмигрантской среде. В статье показано, какие идейные установки позволили участнице декадентских встреч и собеседнице русских религиозных философов принять советскую реальность.

Ключевые слова: Евгения Герцык, Серебряный век, Советская Россия, революция, философия жизни, Фридрих Ницше, Эдгар По

Для цитирования: *Ворожихина К.В.* Философия жизни в советской России: творчество Е.К. Герцык // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 115–126.

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00719).

Н.А. Бердяев считал Евгению Казимировну Герцык (1878–1944) «одной из самых замечательных женщин начала XX века»¹. Она известна как блестящая мемуаристка, создавшая в своих «Воспоминаниях», написанных в конце 1930-х – начале 1940-х гг., портреты философов и писателей Серебряного века: Льва Шестова, Н.А. Бердяева, В.И. Иванова, М.А. Волошина и др. Евгения Герцык внесла вклад в распространение идей Фридриха Ницше в России: в начале 1900-х гг. она стала переводчицей книг «Помрачение кумиров» (1900) (второе издание вышло в 1902 г. под заголовком «Сумерки кумиров») и «Утренняя заря. Размышления о нравственных понятиях» (1901). Кроме того, она переводила сочинения Ж. Гюйсманса, Ф. фон Баадера, Т. Гомперца, А. де Мюссе, К. Фишера и др.

В начале века Ницше был «властителем дум» Евгении и ее сестры поэтессы Аделаиды Герцык. Философия автора «Так говорил Заратустра» стала для сестер спасением от плоского скептицизма и шопенгауэровского пессимизма, поскольку идеи Ницше содержали не только сомнение и отрицание, но и утверждение – *этого* мира, посюсторонней реальности, за которой скрыт процесс непрерывного становления. В своих «Воспоминаниях» Евгения пишет: «Ницше – оселок. Им испытывается, кто какого духа, с кем нам по пути»². Действительно, наиболее близкие сестрам представители русского религиозно-философского возрождения испытали значительное влияние его философии.

Среди важных для Евгении мотивов ницшеанского мировоззрения можно выделить приверженность «солнцевой любви к земле»³ (вместо лунной отрешенности от мира), признание невинности и непорочности творчества и рождения нового, устремленность в будущее и любовь к «стране детей», а также имморализм, так как «что добро и что зло – этого никто не знает, кроме одного только творящего»⁴.

«Мир глубок»: Лев Шестов и Кант

Евгения Герцык была мыслителем, создавшим свою версию философии явления. Как выпускница Высших женских курсов профессора В.И. Герье она написала диссертацию, посвященную проблеме реального мира в философии Иммануила Канта (1904), под руководством П.И. Новгородцева, в которой синтезировала идеи Канта, Шестова и Ницше.

В «Воспоминаниях» Герцык пишет: «Я – курсистка-первокурсница. Исправно хожу на лекции. Большая аудитория в два света, как бы с алтарным полукружием. В этом полукружии – кафедра. <...> Старик Ключевский, слушать которого – художественное наслаждение, о чем бы он ни повел рассказ. Величаво-самодовольный Виноградов... Новгородцев – исполненный морального пафоса, внедряет в Москву кантовский идеализм. Старый краснобай Алексей Веселовский. И сколько их еще... Красота, идеал, научный метод, истина – гудом стоит под высоким лепным плафоном. И все это мне

¹ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) // Бердяев Н.А. Русская идея. М.; Харьков, 2004. С. 411.

² Герцык Е.К. Лики и образы. М., 2007. С. 80.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 84.

ни к чему, все это, не захватывая колесиков, идет мимо моей трудной внутренней жизни...»⁵. Очевидно, Евгению Герцк отделила от ее преподавателей ницшеанский опыт переоценки ценностей. Кумиром ее студенческих лет вслед за Ницше стал Шестов. Она продолжает: «Дома лежит книга. Совсем неизвестного автора. Вот она мне – живой родник. Самое нужное – самыми простыми словами. О том, что наступает час, когда обличается внезапно, катастрофически лживость всего, что казалось незбылемым, – добро, осмысленность жизни, истина. <...> Человек повисает над бездной, и тут-то ему впервые открывается настоящее знание... На губах у меня горит вопрос: что открывается? Какое знание? И ждать не могу. Так Лев Шестов вошел в мою жизнь»⁶. Новгородцев, учивший о бесконечных перспективах духа и постижении нравственного закона, и Шестов, призывающий оставить добро и сострадание, стали для Евгении символами двух эпох: идеализма, красиво уходящего в прошлое, и сменяющего его модерна⁷.

Диссертационное сочинение Евгении не сохранилось, тем не менее о его содержании можно судить по фрагментам «Записных книжек» 1903–1904 гг. Кант для Герцк – «страшный, волшебный старик»⁸, утверждающий, что реальность снаружи – игра, «как бы холодный облачный призрак»⁹: «сущего нет, я – творец сущего, как помыслию – так и есть. А внутри – тайна, что внутри...»¹⁰. Герцк подчеркивает, что явление в философии Канта обладает эмпирической реальностью, но лишено реальности метафизической. За этим разделением, считает она, скрывается преклонение Канта перед вечным и презрение к мгновенному и преходящему, но это не более чем субъективное предпочтение мыслителя, его интеллектуальная вера. Герцк призывает к тому, чтобы признать за явлением – текучим, преходящим, существующим во времени – метафизическое достоинство и освободить сущее от вечного. Согласно Герцк, явления «глубоки», они обладают различной степенью полноты и проявленности.

Герцк сближает философию Канта и Шестова, и она пишет: «Философия Канта – единственная философия простого и беспокойного человека, ребенка и Шестова. Все остальные философии – научные системы, и только Кантовская воистину философия»¹¹. По мнению Герцк, «...мыслительным... фоном, интеллектуальными условиями всякого шестовского вопроса может быть только Кант»¹². Для Шестова антиметафизический настрой, который характерен для философии Канта, был самым естественным взглядом на мир. Она отмечала определенную близость установок

⁵ Там же. С. 139.

⁶ Там же. Речь идет о книге Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше. Философия и проповедь» (СПб., 1899). В 1902 г. между Герцк и Шестовым завязалась переписка. «Каждый месяц, а то и чаще, мелко исписанные два листка... – вспоминала Евгения. – Из всего погибшего в 17-м году в московской квартире мне больше всего щемит душу потеря тоненькой пачки шестовских писем того раннего периода» (Герцк Е.К. Лики и образы. С. 140). Первая их личная встреча случилась в 1903 г. в Швейцарии.

⁷ См.: Бонеецкая Н.К. Царь-Девица: феномен Евгении Герцк на фоне эпохи. СПб., 2012. С. 53.

⁸ Герцк Е.К. Лики и образы. С. 268.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 277.

¹² Там же. С. 278.

Канта и Шестова с их недоверием к разуму и констатацией несоответствия рациональных истин действительности.

Согласно Герцк, Кант и Шестов утверждают субъективную философию самозаконного Я и занимаются единичным и только единичным, в то время как для Герцк ключевой проблемой философии является соотношение индивидуального и всеобщего, Я и мира. Для нее единичное – символ универсального и всеобщего: «каждое явление “единственный образ” вечного»¹³. Ее метод состоит в том, чтобы через «необщее» проникнуть в Единое: «взять случайное, малое и им прозреть на *все*»¹⁴. Таким образом, ей были интересны вопросы, поставленные Шестовым, однако в его сочинениях она не находила ответов. Если Шестова интересовал человек над бездной, то Герцк стремилась исследовать природу *бездны* и пути к ней. Отчасти поэтому со временем ей становятся ближе Вячеслав Иванов с его опьяненностью вином духа, дионисийскими экстазами и приверженностью стихии земли, и Николай Бердяев с учениями об *Ungrund*¹⁵ и религиозном оправдании творчества.

Пути и бездны

Ключевым понятием философского творчества Евгении Герцк является понятие пути, под которым она понимает «свободное устремление (единичного. – К.В.) к Единству по кратчайшей линии»¹⁶, «геодете». Каждый путь индивидуален, но для Герцк существует два основных пути – восхождения и нисхождения, верха и низа. Описанию этих путей посвящены два сочинения Герцк: эссе «Эдгар По» (1919–1927) и агиографический трактат «О путях» (1917–1918), которые, по пронизательному замечанию Н.К. Бонецкой, представляют собой своеобразный диптих¹⁷.

Евгения Герцк рассматривает По как праведника¹⁸ и мыслителя, создавшего своеобразную философию всеединства, ключевой проблемой которой является «тяжба духа и плоти»¹⁹. Герцк представляет По как одностороннего спиритуалиста, «отрицающего правду материалистического бытия»²⁰, в рассказах и повестях которого показано, как дух попирает плоть во имя Единого: «Впрямь во имя Бога, таинственного, незнаемого, совершаются все падения, все грехи в художественных вымыслах По»²¹. Земная реальность предстает в сочинениях американского писателя как ненавистный призрачный фантом, над которым всевластно зло. Материя для него –

¹³ Там же. С. 289.

¹⁴ Там же. С. 405.

¹⁵ Герцк отмечала в «Воспоминаниях»: «Тьма, ничто, бездна, ужас тьмы – вот что для Бердяева в основе бытия, вот в чем корни и божественного миротворчества, и бездонной свободы человеческого духа» (Там же. С. 224).

¹⁶ Герцк Е.К. Испепеляющие годы. М.; СПб., 2020. С. 185.

¹⁷ Бонецкая Н.К. Царь-Девница. С. 460.

¹⁸ «И все же есть праведники, которые ради расколдования злых чар эмпирической действительности, возможной для них лишь через ужас, на горе себе призывают “День Господень”, хотя для них – “тьма он и нет в нем сияния”. Таким праведником был Э. По» (Герцк Е.К. Испепеляющие годы. С. 134).

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Там же. С. 136.

²¹ Там же. С. 131.

безблагодатна, иллюзорна и мертва; он отрицает богопосещенность плоти и «минует Христа»²². В таком случае цель духовного существа состоит в том, чтобы вырваться из материального мира, и потому для По, по мнению Евгении Герцык, божественен путь развоплощения и разложения личности. Путь к Единому, к макрокосму для американского писателя пролегал не через микрокосм, а через его гибель: «...более благое значение приобретают у Эдгара По все силы, разлагающие личность: могучая и слепая страсть, сумасшествие, преступление, исступление, извращенность, все силы зла и наконец Алкоголь, этот мощный развоплощитель, узорешитель»²³. По не принимает человека как синтез духа и плоти, так как не принимает земли как религиозной категории. Духовность, отвергающая Богочеловека Христа, подчеркивает Герцык, становится демоничной²⁴. Она пишет: «Путь человеческий – в пределе путь – Христов: его закон – примирение небу – земля, духу – твари – единство всего во всем. Сокровенный же нерв мудрости По – в одностороннем почитании духа...»²⁵.

Герцык обращает внимание на то, что одним из первых в России о По написал Достоевский и угадал в нем пророка, провидца будущего, который задолго до современности шел «неизбежным путем нынешнего человечества»²⁶. Американский писатель в своих сочинениях предвосхитил грядущее состояние умов и создал атмосферу упадка и конца христианской культуры.

Противоположному пути – пути восхождения – Герцык посвятила трактат «О путях», в котором вывела типы святых и рассмотрела способы их приближения к Божественному. В письме 30 ноября 1919 г. Волошину, который в это же время работал над поэмой «Святой Серафим», она пишет: «Я в своем писании о святых пользовалась без разбора католическими, византийскими и русскими житиями, т.к. моя тема – типы или пути святости и их символика... Больше всего черпала из “Legenda Aurea” и из жизнеописаний разных мистиков. Мне эта область бесконечно интересна...»²⁷. Источниками для этой работы послужили «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» архимандрита Серафима (Чичагова), многотомное агиографическое издание «Acta Sanctorum» («Деяния святых»), вышедшее в Париже, французская версия сборника средневековых житий «Золотая легенда» (“Iacobi de Voragine Historia Lombardica sive legenda aurea de vitis Sanctorum” – «Иакова де Воражиня История Ломбардская, или Золотые четьи о житиях святых»), а также апокрифы («Деяния Фомы»). Французские источники, вероятно, были получены ею от Волошина. В черновиках Герцык встречается упоминание статьи П.А. Флоренского «О типах возрастания» (1906), в которой философ демонстрирует количественный подход к феномену святости; однако Герцык в отличие от Флоренского интересуется качественным аспектом духовного роста²⁸.

Свою задачу Герцык видит в том, чтобы раскрыть законы духовного восхождения. Она полагает, что личность святого является высшей степенью

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 121.

²⁴ Там же. С. 119.

²⁵ Там же. С. 132.

²⁶ Там же. С. 121.

²⁷ Там же. С. 238.

²⁸ См.: Бонецкая Н.К. Царь-Девича. С. 32.

проявления Единого, видимой иконой Бога невидимого²⁹. В духе антропософии Рудольфа Штайнера она понимает пути к святости как посвящение³⁰, как процесс приобщения «к высшему знанию, изменяющему все существо человека»³¹. Она выделила четыре способа восхождения: действия, любви, познания и веры, которые соответствуют видам йоги (карма-йога, бхакти-йога, джнани-йога и раджа-йога)³².

Согласно Герцык, по пути действия шли святые, в личности которых преобладало волевое начало, среди них – великомученица Екатерина, апостол Павел, Катарина Сиенская, св. Георгий, св. Христофор. Часто, по мнению Герцык, эти святые подвергались пыткам и истязаниям, которые символизируют этапы умирания для мира, а в конце жизни их ожидал мученический венец. Путем любви следовали такие святые, как Алексей человек Божий, Серафим Саровский, Людвина, Тереза из Лизьё, Франциск Ассизский. Всех их объединяет особое отношение к плоти (так, например, св. Франциск, любимый святой Евгении, по ее выражению, «милует, лелеет плоть земную»³³), а также «неведение добра и зла»³⁴. Наиболее дельно разработан Евгенией Герцык путь познания. Путь святых, мудрствующих о Боге, пытающихся разгадать тайны жизни и смерти, неразрывно связан с разумом. Среди них – апостол Фома, близнец-двойник Христа, внутренне расколотый, двоящийся человек «о двух безднах»³⁵, которого в его стремлении к богопознанию сопровождает «холодное одиночество». Другим святым, идущим по этому пути, является Андрей юродивый, принесший свой разум в жертву Богу. Царским путем к Богу, согласно Герцык, является путь веры и упования, сопровождающийся молитвенным подвигом, отшельничеством, пустынножительством. По этому пути шли святые Исаак Сирий, Иоанникий Великий, Антоний Великий, Григорий Палама, митрополит Московский Филипп, Артемий чудотворец Веркольский и др.

Единое для Евгении Герцык имеет два аспекта: Отец, к которому человек осуществляет путь восхождения и проявления, и Ungrund, к которому, растворяя свое Я, человек нисходит через ужас: «Не одно только возрастание в духе, но и бесстрашие в падении приводит человека к рассвету “Дня Господня” – открытого, явного касания Неба и Земли – выхода в подлинное бытие, но для идущих таким путем темна эта заря»³⁶. В отличие от Единого, Христос – «всегда – Лицо», «никогда не лоно безличное»³⁷. Значение Христа в мировоззрении Герцык в большей степени космическое – оно состоит в объединении материи и духа: «Тело должно стать духом, чтоб дух стал телом, высшим вечным телом. Взаимно пронзая один другое – крест»³⁸.

²⁹ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 81.

³⁰ «Путь посвящ^ения», – пишет она в записной книжке 25 октября 1908 г., – это только напряжение тетивы существа человек^ского до последней струнности» (Герцык Е.К. Лики и образы. С. 315).

³¹ Бонецкая Н.К. Царь-Девича. С. 36.

³² Виды йоги Герцык обсуждала со своей подругой Софьей Герье (см. «Записные книжки», запись 14 июля 1915 г.: Герцык Е.К. Лики и образы. С. 412–413).

³³ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 82.

³⁴ Там же. С. 78.

³⁵ Там же. С. 84.

³⁶ Там же. С. 133.

³⁷ Герцык Е.К. Лики и образы. С. 326.

³⁸ Там же. С. 315.

Евгения Герцык верила в символику имен («в имени – зачатие»³⁹, «имя – вместилище энергии»⁴⁰) и считала, что «каждому в жизни его свято-го указан ключ к его собственной жизни»⁴¹, и через «вещную сказку»⁴² о своей покровительнице св. Евгении она пыталась постичь себя и свое назначение. Поискам жизненного пути посвящена ее автобиографическая повесть «Мой Рим» (1914–1915), в героях которой легко угадываются Вячеслав Иванов, Николай Бердяев, Вера Шварсалон, Софья Герье. Героиня повести соотносит свою жизнь с безлюбной участью апостола Петра: он тот, кто в отличие от Иоанна обделен любовью, но, несмотря на это, следует за Христом. Таков и ее путь – путь отречения от личного счастья и земной любви во имя любви жертвенной.

Основу фабулы «Моего Рима» составило житие («чуть-чуть манерное»⁴³) святой из города св. Петра, преподобномученицы Евгении, которая отрешилась от своей женской идентичности и, приняв облик мужчины, ушла в монастырь. Впоследствии тайна ее личности была раскрыта, и Евгения вернулась в семью отца. Вновь став женщиной, она открыла в себе андрогинную цельность, обрела полноту человеческого существования через мистический брак женской и мужской составляющих своей личности (здесь Герцык опирается на статью В.И. Иванова «Ты еси» (1907)). Подобную встречу «в себе с собой» переживает героиня повести. Ей открывается не только собственная внутренняя целостность, но и «нестерпимая полнота»⁴⁴ и абсолютная воплощенность всех явлений вокруг. Это состояние она называет раем, который переживается как «налитость каждой вещи до краев самой собою»⁴⁵, как откровение Бога во всем окружающем⁴⁶. Автобиографическая и мемуарная проза Евгении Герцык («Мой Рим», «Воспоминания») в подражание течению самой жизни строится, по замечанию Н.К. Бонечкой, как «нанизывание» таких моментов «нестерпимой полноты» – «абсолютных явлений»⁴⁷.

Письма «оттуда»

Работа об Эдгаре По передает атмосферу ранних советских лет, которые Герцык провела в Крыму: 28 октября 1922 г. она писала Бердяеву о нарастании «чувства конца, близости перехода, перелома огромной важности»⁴⁸; ей казалось, что Христос покидает мир, поскольку Ему больше нет места в том, что грядет – «в господстве техники, в торжестве материи над идеями»⁴⁹ (из письма Бердяеву 1923 г.). Это время «глубочайших сотрясений», голода, войны, арестов и расстрелов, когда «до дна всколыхнулась

³⁹ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 69.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 69.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 50.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ср.: «...все вещи напоены до края – это и был Рай» (Герцык Е.К. Лики и образы. С. 359).

⁴⁷ Бонечкая Н.К. Царь-Девича. С. 437.

⁴⁸ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 250.

⁴⁹ Там же. С. 258.

громада жизни человеческой»⁵⁰. Судьба тех, кто был близок Евгении Герцык, «трагически не совпала с исторической судьбой родины»⁵¹: Бердяев был выслан в 1922 г., Шестов и Иванов покинули страну сами (в 1920 и в 1923 гг.). В отличие от них семья Герцык осталась в России, Евгения отвергла настойчивые предложения подруги В.С. Гриневич⁵² и Бердяева выехать за границу. Она пишет: «Смятенные судакские дни на переломе двух миров. 18–20-е годы. Все зыбко. Мы не знаем, чьи мы и что наше»⁵³. В 1925 г. умерла ее сестра Аделаида. О своих чувствах она писала Бердяеву 18 августа 1925 г.: «С днями не слабеет сила переживания ее смерти – напротив. Все больше постигаю, что смерть любившего и любимого означает обновление для оставшихся, рождение заново со всей мукой и вдохновенностью рождения»⁵⁴. Эту же мысль она повторяет в письме М.Б. Гершензон 30 августа 1925 г., потерявшей мужа.

Постепенно настроение Евгении Герцык меняется, в ней назревает «разрыв со всем прошлым»⁵⁵ (письмо В.С. Гриневич 18 февраля 1931 г.); она чувствует рокот стихии жизни, дыхание перемен: из заката христианской культуры рождается новая, неизвестная еще культура, из гибели Царской России – «страна детей», о которой говорил Заратустра, с новым типом человека. Герцык проникается «живой силой», одушевляющей и окрыляющей Россию, стремится «как-то приобщиться к ней, поверх разночувствий» – т.е., поясняет она в письме Бердяеву (27 августа 1924 г.), «не поступаясь ничем, во что веришь»⁵⁶. Так начинается ее особый путь примирения с современностью.

⁵⁰ Там же. С. 188.

⁵¹ *Герцык Е.К.* Лики и образы. С. 248.

⁵² Вера Степановна Гриневич (урожд. Романовская, до 1874 – не ранее 1948) – ближайшая подруга Е. и А. Герцык; входила в дружеское окружение философов и литераторов начала XX в. До революции занималась земской деятельностью в Полтавской губернии; позже в Петербурге интересовалась вопросами воспитания и образования, поддерживала создание школы нового типа с совместным обучением мальчиков и девочек, публиковала статьи на социальные темы (проблемы брошенных детей, церковной жизни в селе и т.д.). В 1911 г. она писала В.В. Розанову о планах создания большого просветительского центра «со школами для младших, средних и старших возрастов, с высшими курсами философских, богословских, педагогических дисциплин» (цит. по: *Жуковская Т.Н.* «Нас расставили, рассадили...» // Переключка через «железный занавес». Письма Е. Герцык, В. Гриневич, Л. Бердяевой. М., 2011. С. 16); руководителем этого «русского Оксфорда», с библиотеками, издательством, собраниями, обществами и духовными братствами, должен был стать А.В. Ельчанинов. Сначала школу планировали назвать «Софией», но в итоге она получила имя в память Владимира Соловьева. Первыми учениками школы должны были стать сыновья Гриневич, дочери Ремизовых и Булгаковых. Открытие состоялось осенью 1912 г., здание располагалось в самом центре Москвы – на Остоженке (Савеловский пер., 10). При школе жили Бердяевы, Е.К. Герцык, В.Ф. Эрн, Л.И. Иванова. К преподаванию были привлечены члены Неплюевского братства. Школа просуществовала около двух лет (см.: *Жуковская Т.Н.* «Нас расставили, рассадили...». С. 7–20). Вера Гриневич выехала из России весной 1922 г., сначала она обосновалась в Болгарии, в 1928 г. переехала в Париж, затем (в 1935 г.) вновь вернулась в Болгарию. За границей участвовала в русских организациях и публиковалась в эмигрантских изданиях.

⁵³ Цит. по: *Бонцекая Н.К.* Антроподицея Евгении Герцык // *Герцык Е.К.* Испепеляющие годы. С. 34.

⁵⁴ *Герцык Е.К.* Испепеляющие годы. С. 281.

⁵⁵ Там же. С. 328.

⁵⁶ Там же. С. 268.

С одной стороны, Герцык переживает определенное «перерождение убеждений» и отказывается от христианства. Если в 1915 г. она писала: «О, милые, милые московские церковки в Страстные дни. Огоньки текли по нашим переулкам, мы три из разных-разных церквей – домой»⁵⁷, то в середине 1930-х гг. Евгения приветствует снос церквей и отрицает «успокоительные обряды», которые могут быть заменены, по слову Н.Ф. Федорова, «только делом»⁵⁸. «Мне хотелось тебе сказать еще, – обращается она в письме к Вере Гриневиц, – что о церковках снесенных, заменившихся прекрасными садами-avenues, открывающими неожиданно красивые виды в старой Москве, я не жалею, – у меня чувство, что, только умерев, семя прорастет и что оно, такое семя, которое через поколение, через два-три даст совсем неожиданное, неизвестное – из земли, из муки, из мечты о прошлом рожденное растение. Это будет жизнь, а жизнью это больше не было»⁵⁹. С другой стороны, она сохраняет верность своей философии явления, для которой с самого начала были характерны имманентизм («трансцендентное – имманентное»⁶⁰) и процессуальность («Вселенная есть процесс»⁶¹).

В 1930-е гг. Евгения Герцык философски оправдывает советскую действительность. В парижском журнале «Современные записки» были опубликованы ее знаменитые письма «оттуда», т.е. из советской России, адресованные Вере Гриневиц. Письма породили много толков в эмигрантской среде и в прессе. М.В. Вишняк сравнивал их с «Перепиской из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона⁶², находя у них общую проблематику оправдания и преемственности культуры. В.В. Руднева поразили особый путь примирения с новой действительностью, проделанной «госпожой Х.» (криптоним, которым были подписаны письма), ее напряженная духовная жизнь, которую не смогли угасить пережитые испытания⁶³. Для Г.В. Адамовича письма стали свидетельством возможности диалога между интеллигенцией «там» и «здесь»⁶⁴. Г.П. Федотов услышал в них голоса тех, кто продолжает жить запросами духа и келейно создает вокруг себя среду, транслирующую высшие смыслы, атмосферу, располагающую к новым духовным исканиям⁶⁵.

Герцык описывает советскую реальность как проявление апофеоза Жизни, используя язык любимого ею Анри Бергсона. В бурлящем общественном движении, пишет она, открывается Дух; через практическое трудовое участие в нем можно приобщиться подлинной глубине бытия. Герцык считает, что происходящие изменения обнажили беспомощную односторонность интеллектуализма, что «время книг, умственных разговоров прошло»⁶⁶. Отвергая буржуазный индивидуализм как пережиток старого типа культуры и образа жизни, она пишет о срастании единичного и всеобщего,

⁵⁷ Герцык Е.К. Лики и образы. С. 397.

⁵⁸ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 298.

⁵⁹ Герцык Е.К. Лики и образы. С. 550.

⁶⁰ Там же. С. 270.

⁶¹ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 184.

⁶² См.: Вишняк М.В. На родине и на чужбине // Современные записки. 1936. Т. 61. С. 358–359.

⁶³ См.: Руднев В.В. По поводу писем «Оттуда» // Современные записки. 1936. Т. 61. С. 353–357.

⁶⁴ См.: Адамович Г.В. Оттуда. По поводу писем из России // Последние новости. 1936. 6 августа. № 5613. С. 3; Он же. Туда // Современные записки. 1937. Т. 64. С. 235–245.

⁶⁵ Федотов Г.П. Тяжба о России // Современные записки. 1936. Т. 62. С. 374.

⁶⁶ Герцык Е.К. Испепеляющие годы. С. 269.

об «упоении» «не быть исключениями, не быть единицами, не быть избранными...»⁶⁷. «Это надо понять глубоко: для полноты моего творчества мне нужно творчество всех друг^угих». <...> Это вино новое»⁶⁸. Советская действительность 1930-х гг. представляется Евгении Герцык временем максимальной проявленности Единого, преддверием рая, эпохой обновления жизни, о котором мечтал Ницше. Это время – «самое молодое и творческое»⁶⁹, когда все происходящее пропитано смыслом, когда рушатся твердыни и происходит освобождение от мертвых традиций. Евгения приветствует «советских фавнов»⁷⁰ – естественных, простых, грубоватых людей, творящих новую культуру и новые ценности.

Конечно, Герцык была сторонним наблюдателем, а не активным участником советской общественной и культурной жизни: она – осколок старой России, обреченной на исчезновение, человек, близкий кругу символистов начала века с его культом сильных переживаний и «саморазвития»⁷¹, что нашло отражение во всем написанном ей в советской России. Кредо Герцык, сформулированное еще в 1909 г. и оставшееся неизменным после всех личных и исторических катастроф, неразрывно связано с ее *Lebensphilosophie*: «...стоять в потоке жизни и каждый миг утверждать то, что в жизни – жизнь, т.е. Бог»⁷².

Список литературы

- Адамович Г.В. Оттуда. По поводу писем из России // Последние новости. 1936. 6 августа. № 5613. С. 3.
- Адамович Г.В. Туда // Современные записки. 1937. Т. 64. С. 235–245.
- Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) // Бердяев Н.А. Русская идея. М.; Харьков: АСТ: Фолио, 2004. 615 с.
- Бонецкая Н.К. Царь-Девица: феномен Евгении Герцык на фоне эпохи. СПб.: Полиграф, 2012. 526 с.
- Вишняк М.В. На родине и на чужбине // Современные записки. 1936. Т. 61. С. 358–374.
- Герцык Е.К. Испепеляющие годы / Сост. Т.Н. Жуковская. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 560 с.
- Герцык Е.К. Лики и образы / Сост., авт. предисл. и коммент. Т.Н. Жуковская. М.: Молодая гвардия, 2007. 861 с.
- Жуковская Т.Н. «Нас рас-ставили, рас-садили...» // Переключка через «железный занавес». Письма Е. Герцык, В. Гриневич, Л. Бердяевой / Сост. Т.Н. Жуковская. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2011. С. 7–20.
- Руднев В.В. По поводу писем «Оттуда» // Современные записки. 1936. Т. 61. С. 353–357.
- Федотов Г.П. Тяжба о России // Современные записки. 1936. Т. 62. С. 358–375.
- Ходасевич В.Ф. Книги и люди: «Современные записки», кн. 61 // Возрождение. 1936. 8 августа. № 4038. С. 7.

⁶⁷ Там же. С. 435.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 425.

⁷⁰ Герцык Е.К. Лики и образы. С. 542.

⁷¹ Ходасевич В.Ф. Книги и люди: «Современные записки», кн. 61 // Возрождение. 1936. 8 августа. № 4038. С. 7.

⁷² Герцык Е.К. Лики и образы. С. 318–319.

Philosophy of life in Soviet Russia: the works of Evgeniya Gertsyuk*

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

The focus of the study is the problem of “entry” or “penetration” of pre-revolutionary philosophy into Soviet philosophy. On the example of the oeuvre of E.K. Gertsyuk, the author of “Memoirs” on the philosophers and writers of the religious and philosophical revival at the turn of the 19th–20th centuries, the translator of the works of F. Nietzsche, J. Huysmans, F. von Baader and others, the thinker who created her own version of the philosophy of life, it is shown how a representative of the culture of the Silver Age managed to reconcile with the Soviet reality. The article traces Gertsyuk’s creative evolution from the philosophy of the phenomenon, presented in her dissertation essay on the problem of the real world in the Kant’s philosophy (1904), to the philosophy of life; her interpretation of Kant’s epistemology is considered; the concept of a path (a key one in Gertsyuk’s work) was analyzed on the basis of works written in the early Soviet years (the hagiographic treatise “On the Ways” (1917–1918), the essay “Edgar Poe” (1918–1927)); the influences of decisive importance for Gertsyuk’s philosophical searches are considered (I. Kant, F. Nietzsche, L. Shestov, N. Berdyaev, V. Ivanov, A. Bergson and etc). The article focuses on the transitional stage of Gertsyuk’s oeuvre, when there was an increase in religiosity and apocalyptic moods in her mindset, which in the 1930s was replaced by a departure from Christianity as a stronghold of the old culture and old values, justification and apologia for the new social reality, demonstrated by Gertsyuk in the well-known letters “from there”, i.e. from the Soviet Russia, published on the pages of the Parisian journal “Sovremennye zapiski” and caused a mixed reaction in the emigrant community. The article shows what ideological attitudes allowed the participant of the decadent meetings and the interlocutor of Russian religious philosophers to accept the Soviet reality.

Keywords: Evgeniya Gertsyuk, Silver Age, Soviet Russia, revolution, philosophy of life, Friedrich Nietzsche, Edgar Poe

For citation: Vorozhikhina, K.V. “Filosofiya zhizni v sovetskoi Rossii: tvorchestvo E.K. Gertsyuk” [Philosophy of life in Soviet Russia: the works of Evgeniya Gertsyuk], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 115–126. (In Russian)

References

- Adamovich, G.V. “Ottuda. Po povodu pisem iz Rossii” [From there. Concerning Letters from Russia], *Poslednie novosti*, 1936, 6 august, No. 5613, p. 3. (In Russian)
- Adamovich, G.V. “Tuda” [There], *Sovremennye zapiski*, 1937, Vol. 64, pp. 235–245. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)” [Self-Knowledge (An Essay in Autobiography)], in: N.A. Berdyaev, *Russkaya ideya* [Russian Idea]. Moscow; Khar’kov: AST Publ.; Folio Publ., 2004, pp. 249–606. (In Russian)
- Bonetskaya, N.K. *Tsar’-Devitsa: fenomen Evgenii Gertsyuk na fone ehpokhi* [The Tsar-Maiden: Evgeniya Gertsyuk’s Phenomenon on the Background of the Epoch]. St. Petersburg: Poligraf Publ., 2012. 526 pp. (In Russian)

* The publication was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, project No. 23-28-00719).

- Fedotov, G.P. "Tyazhba o Rossii" [Litigation about Russia], *Sovremennye zapiski*, 1936, Vol. 62, pp. 358–375. (In Russian)
- Gertsyk, E.K. *Ispelyayushchie gody* [Sizzling Years], ed. by T.N. Zhukovskaya. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 560 pp. (In Russian)
- Gertsyk, E.K. *Liki i obrazy* [Faces and Images], ed. by T.N. Zhukovskaya. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2007. 861 p. (In Russian)
- Khodasevich, V.F. "Knigi i lyudi: 'Sovremennye zapiski', kn. 61" [Books and People: 'Sovremennye zapiski', Vol. 61], *Vozrozhdenie*, 1936, 8 august, No. 4038, p. 7. (In Russian)
- Rudnev, V.V. "Po povodu pisem 'Ottuda'" [Concerning letters 'From there'], *Sovremennye zapiski*, 1936, Vol. 61, pp. 353–357. (In Russian)
- Vishnyak, M.V. "Na rodine i na chuzhbine" [At Home and Abroad], *Sovremennye zapiski*, 1936, Vol. 61, pp. 358–374. (In Russian)
- Zhukovskaya, T.N. "Nas ras-stavili, ras-sadili..." ['We were separated, we were transplanted...'], *Pereklichka cherez 'zheleznyi zhanaves'. Pis'ma E. Gertsykh, V. Grinevich, L. Berdyaevoi* [Roll call through 'the iron curtain'. Letters from E. Gertsykh, V. Grinevich, L. Berdyaeva], ed. by T.N. Zhukovskaya. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna Publ.; Russkii put' Publ., 2011, pp. 7–20. (In Russian)